В королевстве Северная Лян, в городе Бэйляне, мальчик лет шести или семи съёжился за каменным львом, охраняющим заднюю дверь дома семьи Чжао. Одетый в плохо подогнанные лохмотья, мальчик дрожал среди льда и снега — ничего необычного, кроме чёрной повязки на глазах.

Дверь резиденции Чжао со скрипом распахнулась, послышался глухой удар: безжизненное тело упало на снег, оставив неглубокую вмятину. Чжао Цин немного помедлил и, бросив на тело четыре медные монеты, спрятал остальное в рукав.

Мальчик выскочил из-за статуи, отряхнулся и с робкой улыбкой спросил:

— Брат Цин, из дома только что выбросили объедки, да?

Он присел на корточки, шаря руками по земле. С лица не сходила улыбка. Вдруг его рука коснулась давно окоченевшего тела.

Бледная ладошка застыла в воздухе, горло перехватило, Ли Гуаньци невольно задрожал. Замерев на мгновение, он опустился на колени и потянулся к лицу умершей. Его дрожащая рука коснулась подбородка девочки и резко отдёрнулась: он нащупал длинный шрам, который два года назад, в очередной раз напившись и проиграв деньги, оставил на лице его сестры безжалостный дядя.

— Се…

Сорвался с губ сдавленный шёпот. Улыбка исчезла, по щекам неудержимо катились слёзы.

Не обращая внимания на кусачий холод, он стянул с себя изодранное льняное рубище и укрыл хрупкую фигурку сестры. Её истощённое тело покрывали жуткие шрамы, на спине ещё темнели незажившие синяки. Обветренные руки нежно погладили мёртвую по волосам.

Мальчик опустил голову и хрипло пробормотал:

— Наверное, смерть лучше такой жизни… жизнь — мука.

А потом снова зашарил руками, ища четыре медные монеты.

Внезапно его захлестнула скорбь. Он не понимал, как его сестру могли унизить даже в смерти. Как можно взять и отнять деньги у покойного?

Налетел порыв холодного ветра, Чжао Цин поёжился, плотнее запахнул рукава и, не в силах молчать, произнёс:

— Твоей сестре... выпала тяжёлая судьба. Возьми эти деньги.

Мальчик снял повязку, открыв тусклые глаза, повернулся на голос и медленно протянул правую руку со словами:

— Когда слуга умирает, хозяин должен выплатить его семье компенсацию в десять монет. Эти деньги... последняя гордость моей сестры. Вы не должны их забирать.

Тихо произнёс он. Услышав, что мальчик просит денег, Чжао Цин сжал кулаки, всё его сочувствие улетучилось. Он холодно ответил:

— Сопляк, тебе нужны эти четыре монеты или нет? Исчезни!

Но Ли Гуаньци, жалкий заморыш шести лет, не отступал. Он взлетел по ступенькам к двери, поймал мужчину за руку и прокричал:

— Отдайте то, что моё по праву!

Чжао Цин, увидев, как за него цепляется обмороженная ручонка, нахмурился. Его глаза холодно сверкнули, он схватил мальчика за волосы и сбросил с лестницы.

Тонкое до прозрачности тельце, безжалостно сброшенное со ступенек, с громким стуком упало на землю, где под толстым слоем снега лежала мостовая из голубого камня. После такого падения ребёнок, отброшенный на несколько метров, несомненно, получил серьёзные ушибы.

Чжао Цин холодно посмотрел на лежащего на земле мальчика и с угрозой сказал:

— Слепой недоносок. Прочь с глаз моих вместе с трупом! Я бы не дал тебе и четырёх монет, не пожалей я тебя!

Чжао Цин развернулся, чтобы уйти, как вдруг что-то дёрнуло его сзади. Он вздрогнул и оглянулся: мальчишка ухитрился его догнать и теперь крепко держал за полы плаща.

— Отдайте деньги!!! Это единственное, что осталось моей сестре!

Чжао Цин был готов взорваться, но посмотрел вниз и словно налетел на стену, встретив неподвижный взгляд незрячих глаз, проникающий в самую душу. В сердце шевельнулся противный холодок. Он покосился на тело девочки, насмерть замученной непосильной работой, и нехотя опустил занесённый кулак. Достав припрятанные монеты из рукава, он вложил их в холодную ладошку мальчишки.

— Забирай! Забирай и уходи! Они поистине прокляты!

Ли Гуаньци выпустил полы одежды Чжао Цина и тупо пересчитал монеты. Дверь со стуком затворилась, из поместья донёсся детский голос:

— Чжао Цин, где ты? Почему ты до сих пор не покормил птичек?

— Молодой господин Юаньлинь, уже иду!

— А куда ты ходил?

Чжао Цин не ответил.

— Это же просто служанка умерла, ничего особенного. Скорее, прогони того слепого мальчишку!

Ли Гуаньци сел на ступеньки дома семьи Чжао, сжимая в руке медяки, поднял слепые глаза к небу и замер. Он просидел так довольно долго. Потом, наконец, спустился, аккуратно поднял мёртвое тело и медленно побрёл прочь.

Кр-рт… кр-рт…

В размеренном звуке медленных шагов Ли Гуаньци слышалось отчаяние.

Пожилые люди, отдыхавшие в таверне всего в десятке метров от поместья, всё видели.

За отдельным столиком сидел старик в сером, с белыми как снег волосами. У него был крупный нос и тонковатые, но не недобрые губы. Кристально чистый взгляд, на лице ни следа старческой усталости. На столике стояло несколько простых блюд и подогретое вино в чайнике.

Старик увидел мальчика, бредущего вдоль стены, и рука со стаканом замерла на полпути. Он с едва заметным интересом проследил за малышом и чуть слышно пробормотал:

— Никогда бы не подумал, что тот, кого мы искали на протяжении веков, окажется маленьким слепым мальчиком… Наверное, это судьба.

Он медленно поднялся и вежливо попросил:

— Принесите, пожалуйста, счёт!

Стояла середина зимы. Земля стыла в ледяной хватке пронизывающего до костей северного ветра. Холодные порывы казались Ли Гуаньци острыми ножами. Он несколько раз останавливался, а когда спустилась ночь, положил окоченевшее тело у порога больницы.

Старик в сером тоже был одет не по погоде, но налетевшая снежная буря сама обходила его стороной.

— Она уже далеко. Три её души и семь духов вернулись в круг перерождений. Что же привело тебя в больницу?

Вскоре мальчик вышел с лекарственными травами в руках и деловито понёс тело дальше. Потом вошёл в маленькую лавку со входом, убранным белым шёлком. На этот раз он вернулся с урной, к которой был прикреплён кусочек бумаги:

«Ли Цуйвэй»

Мальчик с застывшим лицом завернул урну в розовые девичьи одежды. Затем купил по дороге две твёрдые как камень паровые булочки маньтоу. В этот момент его лицо тронула улыбка, озадачив следившего за ним всю дорогу старика: почему ребёнок, так бесстрастно воспринявший смерть собственной сестры, вцепился в медяки, которые задолжали ему слуги из поместья Чжао? Держа на руках прах, он почти не выказывал чувств, но улыбался, купив две никому не нужные маньтоу.

Это лишь разожгло любопытство старика, он продолжил следить за мальчиком, как вдруг!

Буря совсем разбушевалась. Старик остановился, посмотрел в небо и тихо сказал:

— Ц-ц-ц. Всё, что я сделал, — ликвидировал секту, и Защитник Народа из королевства Северная Лян лично решил навестить меня?

— Зарождающаяся душа… Это хорошая возможность встретиться, никого не обеспокоив.

Просвистел ветер. Старик сделал шаг вперёд, разом покрыл несколько десятков миль и появился в уединённом павильоне в глуши.

Другой старик, в вышитых одеяниях, уже приготовил подогретое вино и чай, словно давно кого-то ждал. Завидев гостя, Защитник Народа Северной Лян быстро встал и вежливо произнёс:

— Приветствую Вас, почтенный…

В южной оконечности Бэйляна расположился маленький обветшалый дворик со скрипучими незакрывающимися воротами. Мальчик долго медлил у двери дома, но в конце концов сделал глубокий вдох, толкнул её и вошёл.

Скри-и-и…

В чернильной тьме единственной комнаты не горела даже масляная лампа. Комната была пуста, бумага, закрывающая окно, — вся в дырах, но им не хватало денег это исправить.

На выстывшей кирпичной кровати, которую в лучшие времена обогревала жаровня, зашевелилась тёмная фигура, и слабый голос спросил:

— Гуаньци… ты вернулся?

Голос звучал очень ласково, но едва слышно. Это была мать Ли Гуаньци, Сон Ваньжун.

Сон Ваньжун села. Её лицо выглядело измождённым, щёки ввалились, но когда она смотрела на мальчика, её глаза были полны нежности.

Освещённая лунным светом Сон Ваньжун огляделась и спросила:

— Где Цуйвэй?

Ли Гуаньци, искавший в ящике свечи, застыл. Потом зажёг свечу, осветив одинокую глиняную урну возле себя, и хрипло ответил:

— Сестра… её больше нет. Семья Чжао выплатила компенсацию в десять медяков. Я забрал деньги. Спрятал их и купил маме лекарства.

С этими словами мальчик достал из-за пазухи подтаявшую булочку и хотел отдать матери. Сон Ваньжун протянула руку, слегка сжала ладошку сына и вложила булочку обратно.

— Мама… Мама не голодна, съешь сам.

Сказала она, подавив слёзы. Сухие волосы скрыли измученное лицо женщины, но Ли Гуаньци слышал, как слёзы капают на циновку.

Бам!

Резко распахнулась выбитая ногой дверь, и в комнату ворвался кусачий холод. Мальчик задрожал: от холода или от страха — он не знал.

Это пришёл их дальний родственник Ли Дашань, которого дети называли дядей. Невысокий, с толстыми щеками, треугольными глазами и крючковатым носом, Ли Дашань был одет в синюю одежду. Весь его облик выражал ярость, а его жуткий голос можно было услышать задолго до того, как он входил в дом.

— Чтоб ты провалился! Где деньги?!

http://tl.rulate.ru/book/98242/3323455